

ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ПОБУЖДЕНИЙ)

© А.Ю.Чернышева, Р.Зиаи

В статье рассматриваются русские эмоциональные речевые акты побуждений в переводах на персидский язык. Доказывается, что эмоциональность побудительных речевых актов в русском языке создают номинации-обращения и субъективно-модальные частицы. Номинации-обращения содержат существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами, существительные и прилагательные, эмоциональность которых выражается их лексическим значением. Субъективно-модальные частицы в русском языке способствуют формированию модусного компонента семантики высказывания, осложняя его специфическими эмоциональными реакциями. Исследованный материал позволяет заключить, что средства выражения эмоциональности в русских и персидских речевых актах побуждений имеют как черты сходства, так и национально-культурные особенности.

Ключевые слова: русский язык, персидский язык, побудительные речевые акты, эмоции, уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Актуальная в настоящее время проблема взаимодействия языка и культуры показала, что разные языки и культуры, несмотря на черты сходства, имеют национально-культурные особенности [1-2]. Так, А.Вежбицкая, описывая ключевые темы в русской культуре и языке, обратила внимание на такие характеристики, образующие «смысловый универсум русского языка», как эмоциональность (образующуюся, в частности, с помощью ласкательных диминутивов), иррациональность, неагентивность и любовь к морали [3: 331-332]. Некоторые из этих культурных тем прослеживаются и при сопоставлении речевых актов побуждений в русском и персидском языках.

Исследованный материал показывает, что и в русском, и в персидском языках побуждения могут выражать эмоциональность, однако средства ее выражения не вполне совпадают. Не случайно А.Вежбицкая замечает, что культуроспецифичность семантических систем различных языков – причина того, что даже наличие лексических универсалий не приводит к абсолютной эквивалентности в языковом употреблении и что многие конструкции не могут быть переведены с одного языка на другой без потери смысла [4: 38].

Рассмотрим речевые акты побуждений, эмоциональность которых создают номинации-обращения и субъективно-модальные частицы.

В лингвистической литературе существуют проблемы, связанные и с эмоциональной номинацией, а также с семантикой и использованием частиц. Назовем те из них, которые имеют отношение к нашей работе:

1) проблема стилевой принадлежности уменьшительно-ласкательных суффиксов и субъективно-модальных частиц;

2) проблема соотношения в обращении понятийно-логического и эмоционального значений;

3) проблема средств выражения эмоционального значения в обращении в русском и персидском языках;

4) проблема эквивалентности русских речевых актов побуждений с субъективно-модальными частицами их персидским переводам.

Решение первой проблемы требует специального исследования. Предварительно выскажем предположение, что использование уменьшительно-ласкательных суффиксов и частиц в номинациях-обращениях не особенность русского языка, а даже в разговорной сфере, скорее, индивидуальное свойство речи.

Перейдем к рассмотрению следующих проблем. Описывая обращения, ученые подчеркивают сложность и противоречивость номинации, используемой в обращении. Эту мысль проводит Н.Д.Арутюнова [5: 115-120]. Она полагает, что обращение функционально двойственно, поскольку позволяет говорящему выразить отношение к адресату и в то же время дает возможность адресату идентифицировать себя как получателя информации. Двойственность обращений, как считает Н.Д.Арутюнова, приводит к тому, что в них могут сочетаться идентифицирующие и предикативные (субъективно-оценочные) дескрипции.

Важным, с точки зрения Н.Д.Арутюновой, является то, что в реальной коммуникации выбор номинаций-обращений диктуется ситуацией общения; обращение позволяет использовать широкую шкалу номинаций: имена собственные и местоимения, субъективно-оценочные предикаты в различных комбинациях. По ее мнению, об-

ращения не только устанавливают и поддерживают контакт между партнерами коммуникации, но и задают жанр общения, позволяя говорящему выделить в адресате релевантный для коммуникативных потребностей аспект.

В лингвистической литературе существует мнение, согласно которому субъективный план номинаций включает эмоциональный [6: 89]. Имеется также мнение, что эмоциональный план речи могут создавать обращения-номинации [5: 116].

И.Б.Левонтина, анализируя использование в роли обращений прилагательных и причастий типа *милый, дорогой, любимый, родной*, называет их значения эмоциональными и оценочными [7].

На эмоциональный характер номинаций-обращений указывает и М.К.Липатова, которая, исследуя обращения, подчеркивает, что процесс познания мира включает не только логическое, но и чувственное познание. Она указывает, что осложнение функции наименования характеризующей функцией, сопровождающейся оценочностью и образностью, свидетельствует о большей, чем при обычной номинации, специфике восприятия органами чувств. На этом основании М.К.Липатова считает правомерным выделять особый вид номинаций, а именно эмоциональную номинацию, которая служит и для обозначения предмета (идентификации), и для называния признаков денотата (предикации) [8].

Мы также полагаем, что в номинации-обращении субъективно-оценочные значения могут взаимодействовать с эмоциональными. Вместе с тем считаем важным подчеркнуть, что для некоторых людей слова *Володя* и *Володенька* сохраняют одинаковую степень теплоты, хотя русские грамматикомы вторую номинацию рассматривают как «ласкательную» за счет соответствующего уменьшительно-ласкательного суффикса. Интересным является и факт, что некоторые из ласкательных диминутивов – личные имена типа *Володенька, Катенька* – не свойственны персидскому языку. И, хотя в персидских переводах ласкательные диминутивы русских личных имен передаются буквально, то есть без изменения формы как иноязычные вкрапления, иранцы не чувствуют эмоциональной разницы между словами *Володя* и *Володенька*.

Будучи индивидуальным свойством речи, ласкательно-уменьшительные суффиксы затрагивают и ту сферу эмоциональности, которая показывает вовлечение адресата в определенный тип взаимных интимных отношений, а также дифференцированность самих этих отношений, что считается характерным признаком русского дискурса. На выражение в русской культурной традиции в различной степени интимности лич-

ных отношений обращает внимание А.Вежицкая. Она подчеркивает, что если говорящий, находящийся с адресатом в определенных интимных отношениях в строгом соответствии с силой испытываемого к нему чувства и состоянием интимных отношений на момент речи, называет его *Катя, Катенька, Катюша, Катька, Катюха, Катюшенька* и т.п., то это является показателем того, что русские считают чрезвычайно важным передать все оттенки возникающих между партнерами коммуникации чувств и все перемены и колебания в отношениях между ними [3: 348].

Первую группу эмоциональных ласкательных диминутивов составляют номинации-обращения с уменьшительно-ласкательными суффиксами:

– Знаешь, **Манечка**, пойдем посмотрим на яички <...> [9: 174] – مانیچکا، برویم سری به تخم مرغها – [9: 174] [manička, / beravim / sari / be / toxtemorqā / bezanim] [10: 111];

– Скажи мне, **Верочка**, если только тебе не трудно, <...> [11: 236] – ویراچکای من، بگو ببینم – البته، اگر گفتنش برایت سخت نیست [virāčkaye / man, / begu bebinam / albate / agar / goftaneš / barāyat / saxt / nist] [12: 78].

Ласкательные диминутивы могут присоединять к себе прилагательные со значением положительной оценки:

– Гоп-гоп, садись, **милый папочка** [13: 123]. – گپگو، بنشین پاپاجان [pitku, / pitku, / benšin / pāpā / jān] [14: 75].

В данном случае обращение *милый папочка* переводится на персидский язык как *پاپا جان* [pāpā jān] < *милый papa*.

Важным языковым средством эмоциональности русского языка являются номинации-обращения говорящего к собеседнику существительными, прилагательными и причастиями, эмоциональность которых выражается самим их лексическим значением, типа *голубчик, дорогой, милый*. Прилагательные часто являются эмоциональными номинациями-обращениями и в персидском языке. Согласно словарю Г.А.Восканяна русские оценочные прилагательные имеют эквиваленты в персидском языке: *дорогой* گرانقدر [gerānqadr], گرمی [gerāmi]; *милый* مهربان [mehrān], نازنین [nāzanin], *милый мой* عزیزم [azizam], جانم [jānam]; *любимый* عزیز [aziz], محبوب [mahbub] [15].

– **Зина! Милая!** Отсюда вытирайте, а то она на парадную лестницу выльется [16: 250]. – زینا، عزیزم! آن جا را خشک کنيد [zinā / azizam / ānjā / rā / xošk / kon] [17: 129].

В номинациях-обращениях эмоционально окрашенные прилагательные могут сочетаться с притяжательными местоимениями:

Я вижу, что хорошо мое дело заиграло: верно уже я за все свои грехи оттерпелся и прошу:

– Ну скажи же, **моя милая**, по совести, разве каждая женщина в глубине своего сердца не мечтает о такой любви <...> [11: 235]. – حالا عزيزکم، وجدانا بگو [hālā / azizakam, / vojđānan / begu] [12: 78].

Персидский перевод сохраняет обращение, выражающее интимные отношения. На персидский язык *моя милая* переводится как عزیزکم [azizakam] <миленькая>

– Мне кажется, что вам, **дорогой шури**, следовало бы наречь сына по имени какому-нибудь из старших родственников [13: 98]. – به نظر من، شما، برادر زن عزیز، باید نام یکی از خویشاوندان بزرگتر را روی پسران بگذارید [be / nazare / man / shomā / barādarzane / aziz / bāyad / name / yeki / az / xišā-vandāne / bozorg / rā ruye / pesaretān / bogzārid] [14: 29].

Эмоционально окрашенные прилагательные могут сочетаться также с существительными:

– Позвольте вас поцеловать, **дорогой Филипп Филиппович** [16: 262]. – اجازه بدهید شما را بیوسم فیلیپ فیلیپویچ ارجمند! [ejāze / bedahid / šomā / rā / bebusam / fillip / filipoviče / arjmand] [17: 155].

Подобные прилагательные могут сочетаться одновременно с притяжательными местоимениями и с существительными:

– **Мой милый друг**, я прошу тебя, преклони со мной вместе колена, и вдвоем мы умолим бога [13: 124]. – یار عزیز، خواهش می کنم کنار من زانو بزن تا دو [yare / aziz, / xāheš / mikonam / kenāre / man / zānu / bezan / tā / do/ nafari / be / dargāhe / Xodā / do?ā / konim] [14: 76].

Средством выражения эмоциональности в русском языке являются и побудительные речевые акты с субъективно-модальными частицами. На способность субъективно-модальных частиц выражать эмоциональные реакции на сообщаемое обращает внимание Русская грамматика [18: 224].

Вопрос о том, какие частицы могут функционировать в императивных конструкциях, с некоторых пор стал объектом исследования ряда ученых как в связи с большим интересом к лексическим и дискурсивным значениям самих частиц, так и к теории речевых актов [19-20].

Наш материал показывает, что наиболее активно в русских побудительных речевых актах употребляются частицы *-ка, же, ну*.

Персидский язык также располагает арсеналом субъективно-модальных частиц. Так, в «Грамматике современного персидского языка» Ю.А.Рубинчик называет, например, среди прочих частиц и усилительные: آخر [āxer], دیگر [digar], که [ke] ‘же’, ‘ведь’, ده! [de!] (вариант deh!) ‘ну!’, ‘ну-ка’, ‘давай-ка!’, خوب [xub] ‘ну’, [hā]

‘ну’, حتی [hattā] ‘даже’, هم [ham] ‘даже’, ‘же’, بلکه [balke] ‘даже’ [21: 337].

Из работ Ю.А.Рубинчика и Г.А.Восканяна следует, что частица *ну* имеет в персидском языке эквиваленты ده! خوب [xob], [hā]; частица *же* имеет в персидском языке эквиваленты آخر [āxer], دیگر [digar], که [ke], هم [ham]; а частица *-ка* в высказываниях ‘ну-ка’, ‘давай-ка!’ может переводиться как خوب [xob] [21; 15].

В нашем материале имеются случаи перевода частицы *-ка* как دیگر [digar] и بینم [bebinam], частицы *же* наречием پس [pas] <тогда и словом خوب [xob], а частицы *ну* словами خوب [xob], دیگر [digar] и междометием هی [hey].

Полагаем, что персидские эквиваленты русских частиц являются неполными, потому что, во-первых, на персидский язык частицы *-ка, ну, же* в силу специфики их частных лексических значений не всегда переводятся; во-вторых, эти частицы (как было сказано) могут переводиться разными словами: например, частица *-ка* – словами دیگر [digar] и بینم [bebinam], частица *же* – словами پس [pas] и خوب [xob] [22].

Особенностью русских частиц является и их большая структурно-семантическая и прагматическая спаянность с контекстом. Например, частица *-ка* всегда следует за глаголом в форме повелительного наклонения (*иди-ка, идите-ка, идемте-ка*), в форме 1 лица (*пойду-ка я, пойдём-ка мы, идемте-ка мы*), а также сочетается с частицей *пусть* (*пусть-ка он пойдёт, пусть-ка они пойдут*) и частицами *дай(те), давай(те)*: *дай-ка пойдю, давай-ка пойдю; дайте-ка пойдю; давайте-ка пойдю, давай-ка пойдём, давайте-ка пойдём*. Доминируют же случаи, когда эта частица следует за глаголом-сказуемым повелительного наклонения в форме 2 лица (*иди-ка*) или в форме 1 лица единственного числа (*пойду-ка*) или множественного числа – форме совместного действия (*пойдём-ка*).

Считается, что частица *-ка* образует единое фонетическое целое с предшествующей словоформой, поэтому ее нельзя рассматривать как элемент слова – суффикс, поскольку она соединяется с конечной морфемой слова по правилам внешнего, а не внутреннего сандхи, которое соединяет морфемы одной словоформы [19: 178]. Р.О.Якобсон назвал эту энклитическую частицу аннексом [23: 111].

В.С.Храковский и А.П.Володин полагают, что волеизъявление, выражаемое глаголом-сказуемым, реализуется как фактивная каузация – приказ, просьба, предложение, сама же частица *-ка* выражает значение неформального равенства между партнерами коммуникации, которое прокламирует адресант и которого в действительности может и не быть [19: 184].

Эта частица, действительно, выражает значение неформального равенства между партнерами коммуникации, причем в неофициальной и часто дружеской обстановке. Кроме того, данная частица может выражать значение дружеского обращения к себе или другому, имеющему какую-либо цель: предупреждения, увещания и др. Модальная семантика частицы в соответствующем контексте модифицирует иллокутивную функцию речевого акта. Ср.:

1) просьба-обращение к кому-либо, имеющее какую-либо цель, указанную в том же высказывании:

– **Возьми-ка**, Маша, бумажку, да посчитай мне деньги-то, сделай милость [24: 99] – ماشا کاغذ / لف کن پولها رو برام بشمر [māšā / kāqaz / ro / begir / lotf / kon / pulhā / ro / barām / bešmār] [25: 19].

2) требование-обращение к кому-либо, имеющее какую-либо цель, обозначенную далее:

Коробочка: Фетинья, **возьми-ка** их платье да просуши [26: 37] – فتنینیا، لباس ایشان را بگیر و ببر خشک کن [fetinyā, / lebāse / išān / rā / begir / va / bebar / xošk / kon] [27: 78].

Эти высказывания различаются по оттенкам иллокутивной направленности благодаря выражению *сделай милость* в первом случае, которое неприемлемо во втором ввиду социального неравенства персонажей.

Индивидуальные значения выражают и частицы *же* и *ну*. Взаимодействуя с иллокутивной функцией речевого акта, частица *же* может способствовать выражению требования-напоминания, частица *ну* – просьбы-мольбы и настоятельного требования [19: 188-194; 20: 28-29]:

Царь Голод: Да я и танцевать-то не умею. Ей-богу! Пойдите, пойдите, пойдите, куда тащите старика. <...>

Голоса: **Ну, пожалуйста, ну, милый, ну, Отец** [13: 161] – آه خواهش میکنم، آه پدر، بیا دیگر [āh / xāheš / mikonam, / āh / pedar, / biyā / digar] [14: 146];

«– Открой, – говорит, – братец, твой секрет насчет понимания. Мне это дорого стоит».

А я отвечаю:

– Никакого у меня секрета нет, а у меня на это природное дарование.

Ну, а он пристаёт:

– **Открой же мне, однако, как ты об этом понимаешь?** А чтобы ты не думал, что я хочу как-нибудь, – вот тебе сто рублей [28: 182] – همه بیا و برای من روشن کن که چه طور این چیزها را تشخیص می دهی [bā / in / hame / biyāvo/ barāye / man / rošan / kon / ke / četor / in / čizhā / rā / tašxis / midahī] [29: 125].

В императивных конструкциях модальные частицы обладают способностью сочетаться друг с другом, образуя комплексы (*ну и, ну уж, ну и ... же, ну так... же*).

Так, частица *же* может взаимодействовать с частицей *ну*. Это еще более модифицирует значение речевого акта:

– **Ну, позвони же**, друг, как ты звенел прежде [13: 123] – خُب رفیق، مثل گذشته سر و صدای ججه هایت را راه بیانداز [xob / rafiq / mesle / hamiše / saro / sedāye / jeqjeqehāyat / rā / rāh / biyandāz] [14: 76];

– **Ну, посмотри же!** [13: 110] – خُب خودت نگاه کن! [xob / xodat / negāh / kon] [14: 50].

В приведенных русских текстах выражается настоятельное требование-напоминание.

Рассмотренные субъективно-модальные частицы (*-ка, ну, же*) в русском языке, способствуя формированию модусного компонента семантики высказывания, модифицируют иллокутивную функцию речевого акта, приводя к неполному соответствию побудительных речевых актов в текстах оригинала и перевода.

Исследованный материал показывает, что средства выражения эмоциональности в русских и персидских речевых актах побуждений имеют как черты сходства, так и национально-культурные особенности.

1. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 507 с.
2. *Фаттахова Н.Н.* Синтаксические структуры, эксплицитно представляющие прогнозирующие смыслы в русских и татарских народных приметах // Филология и культура. Philology and Culture. – Казань. 2012. – № 2 (28). – С.133 – 137.
3. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
4. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ., предис. А.Д.Шмелева. – М.: Языки славянских культур, 2001. – 278 с.
5. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
6. *Стернин И.А.* Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 137с.
7. *Левонтина И.Б.* Милый, дорогой, любимый... // Русская речь. – 1997. – № 5. – С. 55 – 62.
8. *Литатова М.К.* Обращение как средство выражения эмоциональной оценки в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1984. – 17с.
9. *Булгаков М.А.* Роковые яйца: Рассказы. Повести – М.: Дрофа, 2006. – 413 с.

10. بولگاکف م. آ. تخم مرغ های شوم / ترجمه پونه معتمد. – تهران: انتشارات مروارید، 2013. – 155 ص.
11. *Куприн А.И.* Гранатовый браслет: Повести и рассказы – М.: Моск. рабочий, 1987. – 544 с.
12. کوپرین آ. ای. النگوی یاقوت / ترجمه حمیدرضا آتش برآب. – تهران: انتشارات هرمس، 2012. – 140 ص.
13. *Андреев Л.Н.* Жизнь Человека, Царь голод: Пьесы. – М.: Советский писатель, 1991. – 672 с.
14. آندری یف ل. ن. زندگی انسان و فرمانروای گرسنگان / ترجمه آبتین گلکار. – تهران: انتشارات هرمس، 2010. – 206 ص.
15. *Восканян Г.А.* Русско-персидский словарь. – Тегеран: Фарханг Моасер, 2013. – 1212 с.
16. *Булгаков М.А.* Собачье сердце. Чудовищная история: Рассказы. Повести – М.: Дрофа, 2006. – 413 с.
17. بولگاکوف م. آ. قلب سگی / ترجمه آبتین گلکار. – تهران: نشر ماهی، 2010. – 192 ص.
18. Русская грамматика: научные труды: В 2 т. / Рос-сийская академия наук, Институт русского языка им.В.В.Виноградова / Е.А.Брызгунова, И.В.Габучан, В.А.Ицкович, И.И.Ковтунова, И.Н.Кручинина, М.В.Ляпон, А.Ф.Прияткина, И.П.Святогор, Н.Ю.Шведова – репринтное издание. – М: Ин-т русского языка им.В.В.Виноградова, 2005. – Т.1. – 784 с.
19. *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1986. – 272 с.
20. *Борисова Е.Г.* Усилительные частицы в предложениях с императивом (на материале русского языка) // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Ленинград, 1988. – С. 28 – 29.
21. *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 600с.
22. *Чернышева А.Ю., Зияи Ф.Р.* Императивные конструкции с модальными частицами в переводах русских текстов XX века на персидский язык // Филология и культура. Philology and Culture. – 2014. – № 2 (36). – С.62 – 67.
23. *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95 – 113.
24. *Островский А.Н.* Бедная невестка: Сочинения. В 3-х т. – Т. 1. Пьесы, 1850- 1861 / Сост., вступ. ст. и коммент. В.Я.Лакшина. – М.: Худож. лит., 1987. – 527 с.
25. آستروفسکی آ. ن. عروس بی نوا / ترجمه عباسعلی عزتی. – تهران: انتشارات هرمس، 2012. – 136 ص.
26. *Булгаков М.А.* Мертвые души: Собрание сочинений. В 5 т. – Т. 4. Пьесы; Жизнь господина де Мольера; Записки покойника (Театральный роман) / Редкол.: Г.Гоц, А.Караганов, В.Лакшин и др.; Сост. А.Нинова; Статья-послеаловие А.Нинова; Подгот. Текста и коммент. Е.Кухта и др. – М.: Худож. Лит., 1992. – 686 с., ил.
27. بولگاکوف م. آ. نفوس مرده کمدی در چهارپرده براساس رمان نیکالای گوگول / ترجمه آبتین گلکار. – تهران: انتشارات هرمس، 2010. – 127 ص.
28. *Лесков Н.С.* Очарованный странник: Избранное: В 2-х томах.– Л.: Худож. лит., 1977. Т. 1. – С 145 – 268.
29. لسکوف ن. س. زائر افسون شده / ترجمه حمیدرضا آتش برآب. – تهران: انتشارات ماهی، 2013. – 263 ص.

EXPRESSING EMOTIONS IN THE RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES (BASED ON CAUSATIVE SPEECH ACTS)

A.Yu.Chernysheva, R.Ziaei

This article discusses Russians emotional causative speech acts in translations into Persian. It is proved that the emotion of causative speech acts is created by means of nomination-address and subjective modal particles in the Russian language. The nomination-address contains nouns with diminutive suffixes and nouns and adjectives with emotions expressed by their lexical meaning. Subjective modal particles in the Russian language contribute to the formation of a modus component in the semantics of the utterance, complicating it with specific emotional reactions. The investigated material suggests that the means of expressing emotions in Russian and Persian causative speech acts have both similarities and ethnic cultural distinctive features.

Key words: Russian language, Persian language, causative speech acts, emotions, diminutive suffixes.

1. *Larina T.V.* Kategorija vezhlivosti i stil' kommunikacii. Sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij. – М.: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. – 507 s. (in Russian)
2. *Fattahova N.N.* Sintaksicheskie struktury, jeksplicitno predstavljajushhie prognozirujushhie smysly v russkih i tatarskih narodnyh primetah // Filologija i kul'tura. Philology and Culture. – Kazan'. 2012. – № 2 (28). – S.133 – 137. (in Russian)
3. *Vezhbickaja A.* Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty. – М.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2011. – 568 s. (in Russian)
4. *Vezhbickaja A.* Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevykh slov / Per. s ang., predis. A.D.Shmeleva. –

- M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2001. – 278 s. (in Russian)
5. *Arutjunova N.D.* Jazyk i mir cheloveka – 2-e izd., ispr. – M.: Jazyki russoj kul'tury, 1999. – 896 s. (in Russian)
 6. *Sternin I.A.* Problemy analiza struktury znachenija slova. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1979. – 137s. (in Russian)
 7. *Levontina I.B.* Milyj, dorogoj, ljubimyj... // Russkaja rech'. – 1997. – № 5. – S. 55 – 62. (in Russian)
 8. *Lipatova M.K.* Obrashhenie kak sredstvo vyrazhenija jemocional'noj ocenki v sovremennom francuzskom jazyke: avtoref. dis... kand. filol. nauk. – L., 1984. – 17s. (in Russian)
 9. *Bulgakov M.A.* Rokovye jajca: Rasskazy. Povesti – M.: Drofa, 2006. – 413 s. (in Russian)
 10. معتمد پونه ترجمه / شوم یها مرغ تخم. آ. م. بولگاکوف – ص. 155، 2013، دی‌مروار انتشارات: تهران
 11. *Kuprin A.I.* Granatovyj braslet: Povesti i rasskazy – M.: Mosk. rabochij, 1987. – 544 s. (in Russian)
 12. آتش درضای‌حم ترجمه / اقوتی‌ی‌النگو. یا. آ. ن‌ی‌کوپر – ص. 140، 2012، هرمس انتشارات: تهران – برآب
 13. *Andreev L.N.* Zhizn'Cheloveka, Car' golod: P'esy. – M.: Sovetskij pisatel', 1991. – 672 s. (in Russian)
 14. گرسنگان‌ی‌فرمانروا و انسان‌ی‌زندگ. ن. ل. فی‌ی‌اندر / 2010، هرمس انتشارات: تهران – گلکار ن‌ی‌آبت ترجمه – ص. 206
 15. *Voskanjan G.A.* Russko-persidskij slovar'. – Tegeran: Farhang Moaser, 2013. – 1212 s. (in Russian)
 16. *Bulgakov M.A.* Sobach'e serdce. Chudovishhnaja istorija: Rasskazy. Povesti – M.: Drofa, 2006. – 413 s. (in Russian)
 17. گلکار ن‌ی‌آبت ترجمه / ی‌سگ قلب. آ. م. بولگاکوف – ص. 192، 2010، ی‌ماه نشر: تهران
 18. Russkaja grammatika: nauchnye trudy: V 2 t. / Rossijskaja akademija nauk, Institut russkogo jazyka im.V.V.Vinogradova / E.A.Bryzgunova, I.V.Gabuchan, V.A.Ickovich, I.I.Kovtunova, I.N.Kruchinina, M.V.Ljapon, A.F.Prijatkina, I.P.Svjatogor, N.Ju.Shvedova – reprintnoe izdanie. – M: In-t russkogo jazyka im.V.V.Vinogradova, 2005. – T.1. – 784 s. (in Russian)
 19. *Hrakovskij V.S., Volodin A.P.* Semantika i tipologija imperativa; Russkij imperativ. – Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1986. – 272 s. (in Russian)
 20. *Borisova E.G.* Usilitel'nye chasticy v predlozhenijah s imperativom (na materiale russkogo jazyka) // Imperativ v raznostrukturnyh jazykah: Tezisy dokladov konferencii «Funkcional'no-tipologicheskoe napravlenie v grammatike. Povelitel'nost». – Leningrad, 1988. – S. 28 – 29. (in Russian)
 21. *Rubinčik Ju.A.* Grammatika sovremennoego persidskogo literaturnogo jazyka – M.: Vostochnaja literatura RAN, 2001. – 600s. (in Russian)
 22. *Chernysheva A.Ju., Zijai F.R.* imperativnye konstrukcii s modal'nymi chasticami v perevodah russkikh tekstov HH veka na persidskij jazyk // Filologija i kul'tura. Philology and Culture. – 2014. – № 2 (36). – s.62 – 67. (in Russian)
 23. *Jakobson R.O.* Shiftery, glagol'nye kategorii i russkij glagol // Principy tipologicheskogo analiza jazykov razlichnogo stroja. – M.: Nauka, 1972. – S. 95 – 113. (in Russian)
 24. *Ostrovskij A.N.* Bednaja nevestka: Sochinenija. V 3-h t. – T. 1. P'esy, 1850- 1861 / Sost., vstup. st. i komment. V.Ja.Lakshina. – M.: Hudozh. lit., 1987. – 527 s. (in Russian)
 25. عباسعل ترجمه / نوا ی‌ب عروس. ن. آ. ی‌آستروفسک – ص. 136، 2012، هرمس انتشارات: تهران – ی‌عزت
 26. *Bulgakov M.A.* Mertvyje dushi: Sobranie sochinenij. V 5 t. – T. 4. P'esy; Zhizn' gospodina de Mol'era; Zapiski pokojnika (Teatral'nyj roman) / Redkol.: G.Goc, A.Karaganov, V.Lakshin i dr.; Sost. A.Ninova; Stat'ja-poslealovie A.Ninova; Podgot. Teksta i komment. E.Kuhta i dr. – M.: Hudozh. Lit., 1992. – 686 s., il. (in Russian)
 27. براساس چهارپرده در ی‌کمد مرده نفوس. آ. م. بولگاکوف / تهران – گلکار ن‌ی‌آبت ترجمه / گوگول‌ی‌کالای‌رمان – ص. 127، 2010، هرمس انتشارات
 28. *Leskov N.S.* Ocharovannyj strannik: Izbrannoe:V 2-h tomah. – L.: Hudozh. lit., 1977. T. 1. – S 145 – 268. (in Russian)
 29. آتش درضای‌حم ترجمه / شده افسون زائر. بس. ن. لسکوف – ص. 263، 2013، ی‌ماه انتشارات: تهران – برآب

* * * * *

Чернышова Алефтина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
E-mail: ajuchernyschova@yandex.ru

Chernyshova Aleftina Yur'evna – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Instruction, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: ajuchernyschova@yandex.ru

Зиаи Фаштами Рахелех – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
E-mail: r.ziyai@mail.ru

Ziaei Raheleh – graduate student, Department of Russian Language and Instruction, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: r.ziyai@mail.ru

Поступила в редакцию 10.03.2015